

Марина Викторовна Дуранте (1934–2014)

29 октября 2014 года ушла из жизни Марина Викторовна Дуранте – палеоботаник, стратиграф и геолог, известный специалист по флорам позднего палеозоя Ангарида.

Марина Викторовна родилась 26 января 1934 года в подмосковном Дмитрове в семье инженеров-строителей, работавших на сооружении канала Москва – Волга¹. Вплоть до начала Великой Отечественной войны Марина Викторовна проживала в Москве, откуда была эвакуирована в Уфимскую область, где только в 1942 году смогла пойти в школу. После возвращения в столицу в 1944 году Марина Викторовна училась в московской средней школе №124, по окончании которой в 1952 году поступила на геологический факультет Московского государственного университета. По всей видимости, на выбор будущей профессии повлияла семья: ее отец Виктор

¹ Семейная легенда, не подтвержденная, впрочем, никакими историческими свидетельствами, рассказывала, что по отцу (мать ее носила фамилию Шадрина) Марина Викторовна приходилась очень дальней родственницей знаменитому итальянскому поэту, создателю «Божественной комедии» Данте Алигьери, полное имя которого было Дуранте дельи Алигьери (1266–1321). Более правдоподобной выглядит родственная связь Марины Викторовны с феодосийскими Дуранте – влиятельной буржуазной фамилией, обосновавшейся в Крыму в начале XIX столетия. Но подтверждений этому также нет. После установления советской власти феодосийские Дуранте утратили свое положение. Про одного из их прямых потомков известно, что он трудился простым горняком на шахтах Донбасса.

Андреевич Дуранте был специалистом по инженерной геологии.

В университете Марина Викторовна училась на кафедре исторической и региональной геологии. Своим учителем в геологии и стратиграфии она считала профессора этой кафедры Г.П. Леонова (1908–1983).

В 1957 году, окончив университет со специализацией «Геологическая съемка и поиски месторождений полезных ископаемых», Марина Викторовна была направлена по распределению во Всесоюзный аэрогеологический трест (ВАГТ). Работая в различных экспедициях ВАГТ, она занималась геологической съемкой и стратиграфией средне- и верхнепалеозойских отложений Алтае-Саянской горной области и Верхоянья.

В 1965 году Марину Викторовну перевели в Комплексную экспедицию по зарубежным геолого-разведочным работам Министерства геологии СССР, проводившую геологическую съемку на территории Монгольской Народной Республики. Работая в этой экспедиции, Марина Викторовна заинтересовалась ископаемыми растениями как основой для расчленения и корреляции позднепалеозойских континентальных отложений Монголии.

В 1968 году Марина Викторовна поступила в аспирантуру Геологического института АН СССР (ГИН), где под руководством С.В. Мейена (1935–1987) занялась изучением каменноугольных и пермских растений Монголии. В 1971 году она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Палеоботаническое обоснование стратиграфии верхнего палеозоя Монголии». В 1976 году диссертация, существенно дополненная и переработанная, была издана в виде монографии². Эта работа впервые позволила получить целостное представление о составе, эволюции и фитогеографическом своеобразии позднепалеозойской флоры Монголии.

По окончании аспирантуры, благодаря С.В. Мейену, Марина Викторовна была принята младшим научным сотрудником в Лабораторию палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений ГИНа, где проработала до конца своих дней, занимая с 1990 года должность ведущего научного сотрудника.

Работая в институте, Марина Викторовна опубликовала около 90 научных работ. Среди них

² Дуранте М.В. Палеоботаническое обоснование стратиграфии карбона и перми Монголии. – М.: Наука, 1976. – 279 с. (Тр. Совм. сов.-монгол. геол. эксп. Вып. 19).

помимо указанной выше монографии следует особо отметить главы для ряда крупных сводок по геологии и палеонтологии Монголии³. Значительная часть ее публикаций посвящена проблемам флостратиграфии угленосных отложений верхнего палеозоя Русской платформы и Сибири.

Геологические организации со всей страны неоднократно обращались к ней за консультациями, с просьбами определить собранные ими коллекции позднепалеозойских растений и дать заключение о возрасте вмещающих отложений. М.В. Дуранте принимала активное участие в разработке ряда региональных стратиграфических схем.

Марина Викторовна обменивалась печатными работами и вела переписку с рядом зарубежных ученых. Была членом комиссии по стратиграфии карбона и перми Межведомственного стратиграфического комитета СССР (МСК), а также карбоновой и пермской подкомиссий и ряда рабочих групп Стратиграфической комиссии Международного союза геологических наук. В частности, она руководила рабочей группой «Ангарида» при пермской комиссии МСК.

В 1977 и 1978 годах Марина Викторовна по приглашению Шведской Академии наук посетила Стокгольмский музей естественной истории для изучения коллекции позднепермских растений, собранной в 1930-х годах шведским геологом Г.Бекселлом на хребте Наньшань в Северном Китае. Работу над этой коллекцией она продолжила в Москве, куда была прислана часть образцов. В 1992 году сделанное Мариной Викторовной описание этой коллекции было опубликовано в Трудах Китайско-Шведской экспедиции⁴. Оказалось, что по возрасту и составу наньшаньская флора соответствует позднепалеозойской флоре Русской платформы и принадлежит к Субангарской палеофлористической области. Это позволило существенно уточнить фитогеографические схемы поздней перми.

Марина Викторовна была заместителем председателя Музейного совета института, ведая вопросами хранения геологических коллекций в его стенах.

Она принимала деятельное участие в подготовке и проведении в 1975 году VIII Междуна-

родного конгресса по стратиграфии и геологии карбона.

В течение многих лет Марина Викторовна активно участвовала в организации и проведении палеоботанических коллоквиумов по позднепалеозойским растениям, идейным вдохновителем и руководителем которых был ее учитель С.В. Мейен. На коллоквиумы, проводившиеся регулярно на базе различных палеоботанических ячеек Советского Союза, съезжались палеоботаники со всей страны. Помимо информационного обмена и решения частных задач, связанных с просмотром коллекций ископаемых растений и обсуждением проблем палеоботаники и флостратиграфии, эти коллоквиумы позволяли налаживать устойчивые связи между специалистами, ставить проблемы, требующие скоординированных усилий многих палеоботаников. После безвременной кончины С.В. Мейена в 1987 году эта деятельность не прекратилась, и во главе ее встала Марина Викторовна. Под ее руководством был проведен в 1993 году в Новосибирске коллоквиум, посвященный подготовке материалов по флостратиграфическому обоснованию стратиграфической схемы верхнепалеозойских отложений Кузнецкого бассейна, и позднее в Алматы – очередной коллоквиум по флоре и флостратиграфии верхнего палеозоя Казахстана...

В 1985 году за многолетний добросовестный труд М.В. Дуранте была награждена медалью «Ветеран труда».

* * *

Марина Викторовна была человеком советской эпохи, воспитанным в коммунистической вере. Не удивительно, что с молодых лет Марина Викторовна вела активную общественную жизнь. В школьные годы была членом бюро ВЛКСМ и пионервожатой в младших классах. В университете и в начале трудовой деятельности избиралась агитатором, членом избирательных комиссий и местных комитетов профсоюза экспедиций ВАГТ. После защиты диссертации была заместителем профорга лаборатории, повышала свой идейно-политический уровень в Школе научного коммунизма политсети института, о чем не стесняясь писала во всех анкетах и характеристиках. Подчеркнутая политическая лояльность укрепляла ее положение в институте, открывала дополнительные возможности – от строительства дачи в институтском дачном поселке до заграничных командировок.

Но это была лишь одна, выставляемая напоказ сторона медали. По своим общественно-политическим пристрастиям и социальному поведению Марина Викторовна была типичной «шестидесятницей», со свойственными этому

³ Геология Монгольской Народной Республики. Т. 1. Стратиграфия. – М.: Недра, 1973. – 583 с.; Биостратиграфия, фауна и флора карбона хребта Дэнг-Нуру в Южной Монголии. – М.: Наука, 1983. – 104 с.; Палеонтология Монголии: Флора фанерозоя. – М.: ГЕОС, 2009. – 356 с.

⁴ *Durante M.V.* Angaran Upper Permian flora of the Nan-Shan section (Northern China). – Stockholm: Sven Hedin Foundation. Nat. Museum of Ethnography, 1992. – 68 pp. (Sino-Swedish expedition. Publ. 55).

поколению советских интеллигентов «двоемыслием» и «самоохранением», в которых их не без основания упрекал А.И. Солженицын. Ювенильный советский романтизм прошел быстро. Уже в университетские годы появился и окреп социальный критицизм, вскоре перешедший в скрытое диссидентство. Ненавдя в душе советскую власть, Марина Викторовна никогда не проявляла этого в общении с малознакомыми людьми и, тем более, не предпринимала каких-либо открытых действий против власти. В «эпоху зрелого социализма» политические воззрения Марины Викторовны формировались и подпитывались в основном западными радиоголосами и, особенно, диссидентскими разговорами за чаем на работе, прежде всего с С.В. Мейеном и ее близкой подругой И.А. Добрускиной (1933–2014). В постперестроечные годы их место заняло вещание либеральных проамериканских радиостанций, вроде «Эхо Москвы», которые она часами слушала на кухне, нередко в «фоновом режиме». Она была безоглядной сторонницей киевского «майдана», терпеть не могла президента РФ В.В. Путина, верила в невиновность «опального олигарха» М.Ходорковского...

Подобно многим «шестидесятникам», чья профессия была связана с естествознанием или техникой, Марина Викторовна во «внеслужебной» сфере увлекалась полуполюгальными и нелегальными гуманитарными знаниями, находившимися за гранью официальной советской культуры. Благодаря И.А. Добрускиной она полюбила поэзию Б.Л. Пастернака. Интересовалась «неофициальной» историей и искусствоведением.

Как ученый-специалист Марина Викторовна ни в коей мере не была теоретиком-интеллектуалом. В своей деятельности она грамотно и добросовестно воплощала простые исследовательские программы, преимущественно стратиграфической направленности. Описанию ископаемых растений ее учил С.В. Мейен, и здесь ее навыки и подходы также были просты. Фактически она достаточно хорошо владела двумя стратиграфически важными группами ископаемых – листьями кордаитов (включая их микроструктурные типы) и осями плауновидных. В части морфологических интерпретаций и общих палеоботанических идей она полностью зависела от С.В. Мейена, и в этом отношении может быть названа его эпигоном.

Трудолюбие и добросовестность сочетались в характере Марины Викторовны с некоторой беспорядочностью, недостатком целеустремленности, последовательности и систематичности в работе. Все это, естественно, сказывалось на ее исследованиях.

Она не стремилась к карьерным высотам, но в то же время не была лишена научных амбиций. Одно время планировала защищать докторскую диссертацию, но для этого вовремя не оказалось крупных «докторских» результатов.

В личном плане М.В. Дуранте была добрым, отзывчивым, гостеприимным человеком.

Своей семье ей создать не удалось, и вся отпущенная ей природой любовь и материнские чувства сосредоточились на больном, вырождающемся потомстве ее младшей сестры. И здесь она проявляла буквально чудеса самоотвержения.

Марина Викторовна достойно и до конца выполнила свой дочерний долг, переселив к себе и трогательно заботясь о своей почти столетней матери.

Она умела дружить. До последних лет жизни Марина Викторовна регулярно встречалась со своими однокурсниками. У нее были близкие друзья, которые ее любили. Их беды и радости она воспринимала как свои собственные, Нелицемерно принимала участие в их судьбе. Коллег по науке, ценивших ее очень высоко, также было немало. Скромные похороны Марины Викторовны, к удивлению родственников, превратились в массовое выражение скорби и признания научных заслуг.

В быту Марина Викторовна была непритязательна и скромна, довольствуясь малым. Одевалась не по моде. Питалась полуфабрикатами. Долгое время не обращала внимания на пошатнувшееся здоровье. В ее маленькой однокомнатной квартирке со старой мебелью, перманентно неисправной сантехникой и электропроводкой иногда подолгу жилали приезжавшие в командировку иногородние и даже иностранные палеоботаники.

Марина Викторовна тепло, по-матерински относилась к молодым, начинающим исследователям. Пыталась защищать их от несправедливых гонений со стороны начальства.

Под руководством Марины Викторовны защитили кандидатские диссертации Л.Уранбилэг⁵ и Ю.В. Мосейчик⁶.

Лувсанцэдэн Уранбилэг – аспирантка ГИНа из Монголии, испытывавшая естественные трудности в России, была окружена ее особой заботой. Даже после защиты и отъезда на родину Марина Викторовна горячо интересовалась ее делами, они часто переписывались и созванивались.

⁵ «Фитостратиграфия и флора верхнепермских угленосных отложений Южной Монголии», 2001 г.

⁶ «Эволюция раннекаменноугольной флоры Подмосковского бассейна», 2006 г.

* * *

Жди испытаний до конца, — писал когда-то великий И.В. Гёте⁷. Не обошли они стороной и Марину Викторовну, здоровье которой было подорвано еще в молодости на полевых работах в

⁷ Письмо к К.Ф. Цельтеру от 21 ноября 1830 г. Цит. по: Конради К.О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. 2. Итог жизни. — М.: Радуга, 1987. — С. 628. Парафраз латинского изречения «Nemo antes obitum beatus» (никто не радуется перед уходом).

суровых, труднодоступных районах. Последние годы жизни она серьезно болела. Перенесла две операции. Постепенно утрачивала подвижность, почти ослепла. Но все еще мечтала вернуться к активной жизни.

Авторитетный палеоботаник и стратиграф, добросовестный, трудолюбивый исследователь, преданный науке — такой она останется в памяти друзей, коллег и последующих поколений исследователей.

А.В. Гоманьков, И.А. Игнатъев, Ю.В. Мосейчик

Памяти М.В. Дуранте

В начале 1970-х годов я стал регулярно приезжать в славный Геологический институт РАН для консультаций с С.В. Мейеном. И там впервые познакомился с М.В. Дуранте, И.А. Добрускиной и А.В. Гоманьковым. Наше общение — и научное, и чисто человеческое — продолжалось все время. В 1977 году М.В. Дуранте передала А.Р. Ананьеву и мне свою монографию по карбону и перми Монголии, опубликованную годом ранее в издательстве «Наука». Конечно же, в первую очередь я обратил внимание на описание плауновидных родов *Tomiodendron*, *Ursodendron* и *Angarofloios*. Но самый обстоятельный разговор с М.В. Дуранте и И.А. Добрускиной у меня состоялся в 1983 году в Ленинграде на заседании комиссии по палеобиогеографии, где ими было сделано сообщение «Азональность фитогеогра-

фии палеозоя и мезозоя Евразии». В компании с В.И. Устрицким, В.М. Макридиным и другими они выглядели очень достойно.

Тридцать шесть лет М.В. Дуранте занималась изучением позднепалеозойской флоры и стратиграфии Верхоянья. Ее работы (1977, 1978, 2003, 2010, 2013) являются образцом добросовестного, скрупулезного научного подхода к делу. Ученые ГИНа всегда были и остаются для всех примером высокого профессионализма. Очевидным является то, что мировая палеоботаника потеряла одного из ведущих своих специалистов. Жаль, что наша дружеская встреча дома у Марины Викторовны во время проведения палеоботанического коллоквиума в Главном ботаническом саду РАН (Москва, 2009 г.) оказалась последней.

В.А. Ананьев

Марина Викторовна Дуранте хорошо известна всем палеозойщикам — и палеоботаникам, и стратиграфам, — своими работами, давно ставшими классическими и настольными. Перелистывая страницы ее публикаций, в очередной раз что-то уточняя, с грустью осознаешь, что Человека уже нет, и никогда не будет. Скрупулезные описания ископаемых растений, фитостратиграфические построения, предположения — это бесценное наследие для нас и будущих поколений палеоботаников.

Мое личное знакомство с Мариной Викторовной было недолгим, но очень теплым и запоминающимся. В 2007 году мне выпала возможность детально познакомиться с оригиналами кордаитов к опубликованным работам М.Ф. Нейбург,

С.В. Мейена, Н.А. Шведова, Ю.Г. Гора, Г.П. Радченко, Н.К. Есауловой и др., хранящимися в Геологическом институте РАН, ЦНИГР-музее и Казанском университете. Командировка состоялась благодаря помощи коллег из ГИНа, Ю.В. Мосейчик и И.А. Игнатъева, которые должным образом оформили вызов. Руководителем стажировки по всем пунктам моего пребывания была Марина Викторовна, ведущий научный сотрудник лаборатории палеофлористики ГИНа. К моменту моего приезда в Москву стало известно, что у Марины Викторовны обострились проблемы с ногами. Понимая сложившуюся ситуацию, я не очень рассчитывала на ее появление в лаборатории и полагала, что навещу ее сама. К моему удивлению, Марина Викторовна самостоятельно

добралась до лаборатории, хотя еле передвигалась. Абсолютно не обращая внимания на свое состояние и, видимо, понимая мое смущение, она как-то добродушно отшучивалась, что живет рядом. Что такое «рядом» по московским меркам я поняла позже, во второй свой приезд в Москву на colloquium, когда мы посетили Марину Викторовну дома. «Рядом» – это конечная станция метро и минут 10–15 быстрого пешего хода... За три недели моего пребывания в ГИНе Марина Викторовна была в институте чуть ли не ежедневно.

Первое мое впечатление – это удивительно теплый, неторопливый, простой в общении человек. Как-то быстро прошло первое волнение от общения с Человеком «из книги». Лишь только появились первые страницы с описанием просмотренных образцов, Марина Викторовна подвергла меня «цензуре», чему я была искренне рада. Лотки с образцами переключались к столу Марины Викторовны. Она смотрела в микроскоп, а я находилась рядом и зачитывала, какие особенности увидела. Уточняли малейшие детали, иногда менялись местами, и я садилась за микроскоп. Это была не просто проверка, а обсуждение, ответы на вопросы. Работа в таком формате с ведущим специалистом – замечатель-

ный и неоценимый опыт. В процессе выяснялись некоторые нюансы. Например, мы по-разному понимали объем такого известного вида, как *Rufloria deržavinii* (Neuburg) S.Meyen. Я, вслед за Л.В. Глуховой, более узко, а она – более широко, как трактовал этот вид С.В. Мейен.

Перед моим отъездом Марина Викторовна написала от руки сопроводительное письмо для моего руководства, где были хорошие слова о моей работе в лаборатории и просьба оказывать дальнейшее содействие профессиональному общению. Авторитет Марины Викторовны сыграл свою роль, и через два года, в 2009 году, снова состоялась поездка в Москву на очередной палеоботанический colloquium. На заседаниях Марина Викторовна не присутствовала, так как ухудшилось ее здоровье, но пригласила всех участников colloquium к себе домой. Дорога к ее дому многим хорошо знакома, в квартире прекрасно ориентируются ее ближайшие ученики и коллеги, по-свойски, хлопоча на кухне. Ее дом был пристанищем для командированных в Москву коллег. За праздничным столом в дружественной атмосфере, на мажорной ноте состоялась эта встреча с Мариной Викторовной – последняя как для меня, так, видимо, и для большинства присутствовавших на ней палеоботаников.

Л.Г. Пороховниченко

Болью в сердце отозвалось сообщение о смерти Марины Викторовны Дуранте. Мне хорошо известны все ее отличные труды по флорам карбона и перми Ангарида, которые внесли весомый вклад в науку и практику. С Мариной у меня были встречи, консультации, и она осталась в памяти как добрый, отзывчивый, верный человек и эрудированный палеоботаник.

В.И. Бураго

Я познакомилась с Мариной Викторовной благодаря сотрудничеству с недавно ушедшей от нас незабвенной Инной Андреевной Добрускиной. Они были коллеги, но не просто работавшие в одной лаборатории, а коллеги, имевшие близкие взгляды и профессиональное взаимопонимание, близкие дружеские отношения.

Мое знакомство с Мариной Викторовной совпало по времени с периодом острой дискуссии по вопросу границы перми и триаса и соответственно возраста вулканогенной толщи Тунгусского бассейна на основе палеоботанических данных. Провокатор этой дискуссии Г.Н. Садовников под негласным руководством С.В. Мейена выискивал в эндемичной корвунчанской флоре палеозойские родовые и видовые таксоны для доказательства ее пермского возраста. В это вре-

мя Марине Викторовне была передана коллекция остатков растений из пачки пород, залегающей на пермских отложениях в бассейне р. Унгуохтах в Северном Верхоянье. В ней ею был определен комплекс остатков растений, характерный, по ее мнению, для корвунчанской флоры без намеков на присутствие пермских элементов. Позднее в ее совместной с И.М. Битерманом статье «Анализ флористических данных в связи с вопросом о границе перми и триаса в Западном Верхоянье» был сделан вывод о триасовом возрасте отложений с корвунчанскими растениями и, следовательно, корвунчанской флоры (что было для меня очень важно), и о существовании крупного регионального перерыва между пермью и триасом в Верхоянье. Так я поняла, что в лице Марины Викторовны у меня есть еще один едино-

мышленник по триасу. После этого я предложила ей написать совместную статью о возрасте вулканогенной толщи, она под каким-то благовидным предлогом отказалась, но помогла мне в редактировании моей статьи на эту тему. Так мы стали более тесно общаться уже на дружеской основе и при полном взаимопонимании. Мы нечасто, но встречались в Москве и в Новосибирске, и наши беседы были для меня всегда интересны, полезны и поучительны. Меня поражала в Марине способность обсуждать ост-

рые вопросы спокойно, без острых углов, находя убедительные доводы, она умела смотреть в корень. Марина Викторовна была, безусловно, большим, много знающим и широко мыслящим, одаренным крупным специалистом в своей области.

Палеозойская палеоботаника потеряла крупного, авторитетного, разностороннего специалиста. Ее заслуги в изучении палеозойской флоры Кузбасса, Верхоянья, в целом Сибири, Северного Китая, несомненно, оставят свой след в науке.

Н.К. Мозучева

В те далекие 1980-е, когда мы учились в МГУ, однажды нас, студентов из Монголии, навестили ученые Монгольской академии наук П.Хосбаяр и Ж.Содов с предложением стать палеонтологами. Мы (Даваадулам, Энхбат и я) обещали им подумать над этим предложением. Через некоторое время они (П.Хосбаяр и Ж.Содов) снова посетили Университет и рассказывали нам об особой важности изучения ископаемых растений Монголии, а также о М.В. Дуранте. После их повторного визита я приняла решение заниматься флорой, изучать древние растения нашей страны – одного из весьма важных районов Центральной Азии (как они тогда нам объяснили). А ребята остались в тех учебных группах, в которых они учились.

Вскоре мы с Мариной Викторовной договорились о нашей первой встрече. Работа под руководством Марины Викторовны началась с составления плана курсовой работы 3-го курса по теме «Верхнепермские ископаемые растения Тавантолгойского угольного месторождения и их стратиграфическое значение».

Марина Викторовна осталась в моей памяти благородным, всегда принципиальным и очень душевным человеком, иногда и строгим учителем, особенно если ты не выполнял задание и не уважал своего и чужого времени.

Иногда мне даже хотелось оставить флору и спокойно заниматься какой-нибудь другой, более простой группой организмов. Но занимаюсь палеоботаникой до сих пор – значит это моя судьба.

Палеонтологический центр Монгольской академии наук (МАН) и Институт геологии и минеральных ресурсов МАН выражают глубокое соболезнование по случаю кончины известного ученого, доктора Марины Викторовны Дуранте.

М.В. Дуранте и Лувсанцэдэн Уранбилэг

Марина Викторовна была для меня самым дорогим (после родителей) человеком, без которого я не достигла бы даже небольших успехов в изучении ископаемых растений.

Л.Уранбилэг

С середины 1960-х Марина Викторовна принимала активное участие в геолого-палеонтологическом изучении территории Монголии, занимаясь обоснованием возраста верхнепалеозойских отложений страны, их внутри- и

межрегиональной корреляцией, палеоботаникой и палеофитогеографией. Сводкой результатов этих исследований является монография «Палеоботаническое обоснование стратиграфии карбона и перми Монголии» (1976), изданная в трудах Совместной советско-монгольской геологической экспедиции и донныне служащая основой

для геолого-стратиграфического изучения верхнего палеозоя Монголии и сопредельных стран.

Исследования Марины Викторовны успешно продолжают ее монгольские ученики и коллеги.

Имя Марины Викторовны Дуранте навсегда останется среди имен выдающихся исследователей Центральной Азии.

От Палеонтологического центра МАН: директор *Х.Цогтбаатар*, академик *Р.Барсболд*, *Л.Уранбилэг*, ученый секретарь *Н.Ичинноров*, *Ё.Ханд*, *Д.Доржнамжаа*, *Я.Ариунчимэг*, *Л.Гэрэлцэцэг*; от Института геологии и минеральных ресурсов МАН: директор *Д.Одэгрэл*, академик *О.Тумуртоогоо*, *Т.Оюунчимэг*, *Д.Оролмаа*, *С.Ариунбилэг*, *Г.Ээнжсин*.

Список публикаций М.В. Дуранте

1960

1. Геологическая карта СССР масштаба 1:200000. Серия Минусинская. Лист N-46-XXI. Объяснительная записка. – М.: Госгеолтехиздат. – 90 с. (в соавт. с А.А. Моссаковским, И.И. Павловой).

1969

2. Новые данные о соотношении пермских фаунистических и флористических горизонтов Монголии // Бюлл. МОИП. Отд. геол. – Т. 44. – Вып. 6. – С. 151, 152.

1970

3. Основные черты геологического строения и развития сопредельных частей Монгольского и Гобийского Алтая // Стратиграфия и тектоника Монгольской Народной Республики. – М.: Наука. – С. 114–131. (Тр. Совм. сов.-монгол. геол. эксп. Вып. 1; соавторы – Л.П. Зоненшайн, Н.Г. Маркова, И.Б. Филиппова, М.В. Чехович).

4. Основные черты стратиграфии палеозоя Монгольской Народной Республики // Там же. – С. 8–63. (соавторы – В.А. Амантов, А.А. Благодоров, Ю.А. Борзаковский, Л.П. Зоненшайн, Б.Лувсанданзан, П.С. Матросов, О.Д. Суетенко, И.В. Филиппова, Р.А. Хазин).

1971

5. О позднепермской флоре Монголии и южной границе Ангарской области этого времени // Палеонтол. журн. – №4. – С. 101–112.

1973

6. Каменноугольная система: Центральная Монголия // Геология Монгольской Народной Республики. Т. 1. Стратиграфия. – М.: Недра. – С. 265–272 (соавторы – В.А. Благодоров, В.А. Амантов, И.И. Волчек).

7. Каменноугольная система: Юго-Восточная Монголия // Там же. – С. 291, 292 (в соавт. с О.Д. Суетенко).

8. Каменноугольная система: Южная Монголия // Там же. – С. 273–291 (соавторы – О.Д. Суетенко, И.И. Волчек, Б.Лувсанданзан).

9. Общая характеристика каменноугольной системы // Геология Монгольской Народной Республики. Т. 1. Стратиграфия. – М.: Недра. – С. 292–306 (соавторы – В.А. Благодоров, О.Д. Суетенко).

10. Общая характеристика пермской системы // Там же. – С. 354–367.

11. Пермская система: Восточная Монголия // Там же. – С. 337, 338. (соавторы – В.А. Амантов, И.И. Волчек, Э.В. Михайлов).

12. Пермская система: Северная Монголия // Там же. – С. 309–313. (соавторы – В.А. Амантов, И.И. Волчек, Э.В. Михайлов, А.А. Моссаковский, О.Тумуртоогоо).

13. Пермская система: Северо-Восточная Монголия // Там же. – С. 322–333.

14. Пермская система: Хангай-Хэнтейский район // Там же. – С. 318–322 (соавтор – Э.В. Михайлов).

15. Пермская система: Центральная Монголия // Там же. – С. 333–337.

16. Пермская система: Юго-Восточная Монголия // Там же. – С. 347–354 (соавтор – О.Д. Суетенко).

17. Пермская система: Южная Монголия // Там же. – С. 338–347 (соавторы – О.Д. Суетенко, И.И. Волчек, Б.Лувсанданзан).

18. Средний карбон – нижняя пермь // Там же. – С. 306–309 (соавторы – В.А. Благодоров, О.Д. Суетенко, Л.А. Буфф).

19. Опорный разрез континентальных отложений верхнего палеозоя и триаса Южной Монголии с первыми находками лабиринтодонтов // Изв. АН СССР. Сер. геол. – №7. – С. 78–90 (в соавт. с Н.С. Зайцевым, А.А. Моссаковским, М.А. Шишкиным).

1974

20. Корреляция нижнепермских континентальных отложений СССР (по палеоботаническим данным) // Тез. докл. к расширенному пленуму постоянной комиссии МСК по пермской системе. – Пермь. – С. 31, 32 (в соавт. с С.В. Мейеном).

21. Распределение комплексов растительных остатков в верхнепалеозойских отложениях северной части Западного Верхоянья // Докембрий и палеозой Северовостока СССР: Тез. докл. межвед. стратигр. совещания. – Магадан. – С. 127–129.

1976

22. Верхнепалеозойские отложения и магматизм Хан-Богдинского района Южной Монголии // Бюлл. МОИП. Отд. геол. – Т. 51. – Вып. 4. – С. 85–104. (соавторы – Л.П. Зоненшайн, В.И. Коваленко, О.Д. Суетенко, А.Я. Салтыковский, А.В. Горегляд, Ю.А. Зорин, Г. Энжзийн, Оролмаа).

23. Палеоботаническое обоснование стратиграфии карбона и перми Монголии. – М.: Наука. – 279 с. (Тр. Совм. сов.-монгол. геол. эксп. Вып. 19).

1977

24. Флора корвунчанского типа в Северном Верхоянье // Докл. АН СССР. – Т. 234. – №1. – С. 132–134 (в соавт. с М.Н. Вавиловым, И.М. Битерман).

25. Флористические комплексы и стратиграфия каменноугольных и пермских отложений меридиональной части Западного Верхоянья // Бюлл. МОИП. Отд. геол. – Т. 52. – Вып. 4. – С. 112–124 (в соавт. с Л.М. Израилевым).

1978

26. Анализ флористических данных в связи с вопросом о границе перми и триаса в Западном Верхоянье // Верхний палеозой северо-восточной Азии. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР. – С. 76–89 (в соавт. с И.М. Битерман).

27. Возможности выделения зональных флостратиграфических подразделений (на примере флороносных верхнепалеозойских отложений Северной Евразии) // Проблемы стратиграфии и исторической геологии. – М.: Изд-во МГУ. – С. 29–38.

1979

28. Каменноугольные отложения Монголии // Тр. VII международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона. Т. 2. Региональная биостратиграфия карбона современных континентов. – М.: Наука. – С. 175–184 (соавторы – И.Б. Филиппова, Л.П. Зоненшайн, В.А. Благоданов, Л.А. Благоданова, Б.Лувсанданзан, Н.А. Маринов, О.Д. Суетенко, О. Томуртоого, Р.А. Хасин).

1980

29. О соотношении верхнепермской флоры Наньшаня с одновозрастными ангарскими флорами // Палеонтол. журн. – №1. – С. 125–135.

30. Стратиграфия каменноугольных отложений Монголии // Биостратиграфия нижнего кембрия и карбона Монголии. – М.: Наука. – С. 109–166 (Тр. Совм. сов.-монгол. геол. эксп. Вып. 26; соавторы – В.И. Гольденберг, А.Б. Дергунов, Б.Лувсанданзан, Н.Г. Маркова, К.А. Мосиондз, М.Н. Соловьева, О.Д. Суетенко, О.Томуртоого, И.Б. Филиппова, Е.Е. Павлова, А.А. Храпов).

1981

31. Возраст комендит-щелочногранитных ассоциаций Южной Монголии // Изв. АН СССР. Сер. геол. – №9. – С. 40–48 (соавторы – В.В. Ярмолюк, В.И. Коваленко, М.М. Аракелянц, А.В. Горегляд).

1983

32. Значение разреза хребта Дэнг-Нуру для палеобиогеографии // Биостратиграфия, фауна и флора карбона хребта Дэнг-Нуру в Южной Монголии. – М.: Наука. – С. 29–32. (Тр. Совм. сов.-монгол. палеонтол. эксп. Вып. 21; в соавт. с Е.Е. Павловой).

33. Описание ископаемых: Растения // Биостратиграфия, фауна и флора карбона хребта Дэнг-Нуру в Южной Монголии. – М.: Наука. – С. 83–90.

34. Разрез хребта Дэнг-Нуру и некоторые проблемы стратиграфии карбона Северной Азии // Там же. – С. 25–28 (в соавт. с Е.Е. Павловой).

35. Характеристика комплексов органических остатков // Там же. – С. 13–24 (в соавт. с К.А. Астафьевой-Урбайтис, И.Н. Мананковым, Е.Е. Павловой).

36. Разрез каменноугольных отложений хребта Дэнг-Нуру в Южной Монголии и его значение для биостратиграфии и палеобиогеографии карбона Северной Азии // Новые виды беспозвоночных ископаемых Монголии. – М.: Наука. – С. 74–82. (Тр. Совм. сов.-монгол. палеонтол. эксп. Вып. 20; в соавт. с Е.Е. Павловой, И.Н. Мананковым, О. Томуртоого, К.А. Астафьевой-Урбайтис).

37. Existence of an Upper Permian mixed Cathasia-Angara flora in Nanshan (North China) // Geobios. – №16. – Fasc. 2. – P. 241, 242.

1985

38. Палеобиогеография Монголии и сопредельных районов в позднем палеозое // Бюлл. МОИП. Отд. геол. – Т. 60. – Вып. 4. – С. 84–94 (в соавт. с В.Ю. Дмитриевым, Е.Е. Павловой).

39. The paleobiogeography of Mongolia and neighboring regions in the Late Paleozoic // Int. Geol. Rev. – Vol. 27. – P. 1396–1406 (в соавт. с В.Ю. Дмитриевым, Е.Е. Павловой).

1987

40. Основные проблемы флостратиграфии перми Северной и Центральной Азии // Историческая геология: итоги и перспективы. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 134–162.

41. Строение Идэрской зоны каледонид Северной Монголии // Геотектоника. – №3. – С. 34–48 (соавторы – В.В. Ярмолюк, И.В. Гордиенко, Д.Болд).

42. Carboniferous biogeography of Mongolia // 11th Int. Congr. Carboniferous Stratigr. Geol. Abstr. Pap. – Beijing. – P. 147–148 (в соавт. с Е.Е. Павловой).

1988

43. Чтения, посвященные памяти С.В. Мейена // Сов. геология. – №10. – С. 124, 125 (в соавт. с М.А. Ахметьевым, А.В. Гоманьковым).

1989

44. Значение палеоботанических исследований С.В. Мейена для развития стратиграфии верхнего палеозоя // М.А. Ахметьев (ред.). Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. – М. – С. 166, 167 (Ротапринт ГИН АН СССР).

45. Нижнекаменноугольная флора Монголии // Там же. – С. 17–31.

46. Основные проблемы флостратиграфии верхнего палеозоя Северной и Центральной Азии // Проблемы стратиграфии верхнего протерозоя и фанерозоя. – М.: Наука. – С. 131–146 (Тр. ГИН АН СССР. Вып. 431).

1990

47. Проблемы систематики, стратиграфического и географического распространения *Psugmophyllum*-подобных листьев // М.А. Ахметьев (ред.). Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. №2. – М. – С. 26–43 (Ротапринт ГИН АН СССР).

1991

48. Новые данные о возрасте верхнепалеозойских отложений Молодо-Оленевского междуречья (северо-восток Сибирской платформы) // Докл. АН СССР. – Т. 320. – №2. – С. 403–406 (в соавт. с А.Н. Егоровым, М.Е. Егоровым).

49. Стратотипический разрез черныярского горизонта (верхняя пермь) Центрального Таймыра // Изв. АН СССР. Сер. геол. – №3. – С. 26–36 (в соавт. с Р.В. Соломиной).

1992

50. Angaran Upper Permian flora of the Nan-Shan section (Northern China). – Stockholm: Sven Hedin Foundation. Nat. Museum of Ethnography. – 68 pp. (Sino-Swedish expedition. Publ. 55).

51. Flores d'âge carbonifère inférieur du Niger et du Tchad // Geobios. – Vol. 25. – Issue 4. – P. 449–455 (в соавт. с И.Лемуанем, К.Блан).

52. General characteristics of the Carboniferous pteridosperm *Cardioneuropteris* Goganova et al., from the uppermost Visean strata of Kuucheku Colliery near Karaganda, Central Kazakhstan, Cis // Rev. Paléobiologie. – Vol. spec. 6. – P. 169–219 (в соавт. с Л.А. Гогановой, Ж.-П. Лавейном, И.Лемуанем).

1993

53. К проблеме о границе нижней и верхней перми // Геология и минерально-сырьевые ресурсы европейского Северо-Востока России: Тез. докл. XII геол. конф. Республики Коми. Т. 1. – Сыктывкар. – С. 78–80 (в соавт. с С.К. Пухонто, А.Б. Вирбицкасом).

54. Frond architecture, its importance for paleobiogeography and evolution: the example of *Cardioneuropteris* nov. gen., Carboniferous pteridosperm from the Upper Visean of Kazakhstan // C. R. XII ICCP. – Vol. 2. – P. 41–60 (в соавт. с Л.А. Гогановой, Ж.-П. Лавейном, И.Лемуанем).

1994

55. Позднепалеозойские флоры Ангарида (палео-экосистемный подход, климатические реконструкции) // Экосистемные перестройки и эволюция биосферы. Вып. 1. – М.: Недра. – С. 248–258.

56. Comments on the Devonian/Carboniferous boundary position throughout the Russian Platform // Newsletter on Carboniferous Stratigraphy. – Vol. 12. – P. 13 (в соавт. с Г.А. Рукиной).

1995

57. Основные геохронологические рубежи во флороносных отложениях верхнего палеозоя Ангарида // Тез. докл. международного симпозиума «Проблемы эволюции пермской морской биоты». – М. – С. 17.

58. Реконструкция климатических изменений в позднем палеозое Ангарида (на основе фитогеографических данных) // Стратигр. Геол. корреляция. – Т. 3. – №2. – С. 25–37.

59. Carboniferous and Permian plant localities in the Middle Cisural // Permophiles. – №27. – P. 13–17 (в соавт. с И.А. Добрускиной).

1996

60. Положение основных геохронологических рубежей во флороносных отложениях верхнего палеозоя Кузбасса (состояние проблемы) // Кузбасс – ключевой район в стратиграфии верхнего палеозоя Ангарида. Т. I. – Новосибирск. – С. 23–35.

61. Решение палеоботанического коллоквиума, посвященного подготовке материалов по фитогеографическому обоснованию стратиграфической схемы верхнепалеозойских отложений Кузнецкого бассейна // Кузбасс – ключевой район в стратиграфии верхнего палеозоя Ангарида. Т. II. – Новосибирск. – С. 104–107 (в соавт. с С.К. Батяевой).

62. Angara and surrounding marine basins // C.M. Diaz, R.H. Wagner, C.F. Winkler Prins, L.F. Granados (eds). The Carboniferous of the World. III. The Former USSR, Mongolia, Middle Eastern Platform, Afganistan & Iran. – Madrid: I.T.G.M.E.; Leiden: N.N.M. – P. 180–237 (в соавт. с С.В. Мейеном, Г.А. Афанасьевой, О.А. Бетехтиной, В.Г. Ганелиным, С.Г. Гореловой, М.И. Грайзером, Г.В. Котляр, С.В. Максимовой, Г.Е. Черняком, А.З. Юзвickим).

63. Mongolia // C.M. Diaz, R.H. Wagner, C.F. Winkler Prins, L.F. Granados (eds). The Carboniferous of the World. III. The Former USSR, Mongolia, Middle Eastern Platform, Afganistan & Iran. – Madrid: I.T.G.M.E.; Leiden: N.N.M. – P. 409–425 (в соавт. с С.С. Лазаревым, Е.Е. Павловой).

64. Permian plant localities in the northern Cisurals. Permian plant localities in the southern Cisurals // Permophiles. – №28. – P. 25–27 (в соавт. с И.А. Добрускиной).

1997

65. Появление и развитие позднепалеозойских фитофлор: Переход от палеофита к мезофиту // Тез. конф., посвященной памяти С.В. Мейена. Москва, 26 марта 1997. – С. 11, 12 (в соавт. с И.А. Добрускиной).

1998

66. Характерные разрезы пограничных континентальных отложений перми и триаса Евразии: Кузнецкий бассейн // Граница перми и триаса в континентальных сериях Восточной Европы: Мат-лы к Международному симпозиуму. «Верхнепермские стратотипы Поволжья». – М.: ГЕОС. – С. 162–171 (в соавт. с Н.К. Могучевой).

67. Характерные разрезы пограничных континентальных отложений перми и триаса Евразии: Северный Китай // Там же. – С. 175–183.

68. Changes in floral composition, phytogeography and climate around the margins of the Russian Platform from the Carboniferous to the Triassic // Тез. докл. Международного симпозиума. «Верхнепермские стратотипы Поволжья». 28 июля – 3 августа 1998 г. – Казань: Мастер Лайн. – С. 32, 33 (в соавт. с И.А. Добрускиной).

1999

69. Верхняя пермь Ангарида: граница отделов, ярусное расчленение // Докл. Междунар. симпозиум. «Верхнепермские стратотипы Поволжья». – М.: ГЕОС. – С. 87–90 (в соавт. с С.К. Пухонто).

2000

70. Global cooling in the Middle Carboniferous // Newsletter on Carboniferous Stratigraphy. – Vol. 18. – P. 31–32.

2001

71. Фитогеография карбона // М.А. Ахметьев, А.В. Гоманьков, М.П. Долуденко, И.А. Игнатьев (ред.). Материалы симпозиума, посвященного памяти Сергея Викторовича Мейена (1935–1987). Москва, 25–26 декабря 2000 г. – М.: ГЕОС. – С. 147–150.

2002

72. Возможности выделения верхнетатарского подъяруса в пределах Ангарида на основании палеоботанических данных // Татарский ярус Европейской России: проблемы стратиграфии и корреляция с морской тетической шкалой. – М.: НАКТРА ПРИНТ. – С. 14 (в соавт. с С.К. Пухонто).

73. Особенности развития южной ветви Субангарской палеофлористической области // М.А. Ахметьев, А.Б. Герман, М.П. Долуденко, И.А. Игнатъев (ред.). Сборник памяти члена-корреспондента АН СССР, профессора Всеволода Андреевича Вахрамеева (к 90-летию со дня рождения). – М.: ГЕОС. – С. 247–261 (в соавт. с У.Лувсанцэдэн).

74. Biostratigraphy of the Carboniferous of Angaraland // Newsletter on Carboniferous Stratigraphy. – Vol. 20. – P. 23–26 (в соавт. с В.Г. Ганелиным).

2003

75. Биостратиграфия карбона Ангарида // М.В. Дуранте, И.А. Игнатъев (ред.). Эволюция флор в палеозое. – М.: ГЕОС. – С. 93–96 (в соавт. с В.Г. Ганелиным).

76. Комплексы растительных остатков каменноугольных отложений Верхоянья // Геодинамика, магматизм и минерализация континентальных окраин севера Пацифики. Материалы Всероссийского совещания, посвященного 90-летию академика Н.А. Шило (XII годовое собрание Северо-Восточного отделения ВМО). Магадан, 3–6 июня 2003 г. Т. 1. – Магадан. – С. 100, 101.

2004

77. Наталья Константиновна Есаулова (1948–2003) // Палеонтол. журн. – №3. – С. 109, 110 (в соавт. с В.Г. Ганелиным, А.В. Гоманьковым, Г.В. Котляр, Т.Б. Леоновой, В.Р. Лозовским, С.К. Пухонто, А.Ю. Розановым, О.П. Ярошенко).

78. Перестройка флор на границе палеофита и мезофита в связи с глобальными изменениями климата // М.В. Дуранте, И.А. Игнатъев (ред.). Растительный мир в пространстве и времени: Сб. научных работ, посвященный 100-летию со дня рождения акад. В.В. Меннера (1905–1989). – М.: ГЕОС. – С. 173–183 (в соавт. с И.А. Добрускиной).

2005

79. О «терминальной» перми Верхоянья и других районов Северо-Востока Азии // Эволюция жизни на Земле: Материалы III Международного симпозиума, 1–3 ноября 2005 г., г. Томск. – Томск: Изд-во ТГУ. – С. 237–240.

80. О «чансинском ярусе» северо-восточной Азии // Современные проблемы палеофлористики, палео-

фитогеографии и фитостратиграфии. Тез. докл. Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. – М.: ГЕОС. – С. 13, 14.

81. О «чансинском ярусе» северо-восточной Азии // Современные проблемы палеофлористики, палеофитогеографии и фитостратиграфии. Тр. Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. 1. – М.: ГЕОС. – С. 90–96.

2007

82. The “Changhsingian” of northeastern Russia // Abstracts of XVI International Congress on the Carboniferous and Permian. June 21–24, 2007. Nanjing, China. – P. 218. (Journal of Stratigraphy. Vol. 31. Supp. I).

83. The problem of the recognizing the Changhsingian in Northeastern Asia (Boreal Realm) // Permophiles. – №49. – P. 24–28.

2009

84. Валидизация некоторых таксонов плауновидных из раннего карбона Монголии // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. – Т. 1. – С. 51–54.

85. Палеонтология Монголии: Флора фанерозоя – М.: ГЕОС. – 356 с. (соавторы – Г.М. Братцева, Л.Гэрэлцэцэг, И.А. Добрускина, Е.А. Жегалло, Н.Ичинноров, В.А. Лучинина, Н.М. Макулбеков, А.Л. Рагозина, У.Лувсанцэдэн, Ж.Содов).

2010

86. Последовательность позднепалеозойских флористических комплексов Верхоянья // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. – Т. 2. – С. 45–54.

2013

87. Верхнепалеозойские флоры и стратиграфия Верхоянья // Палеоботанический временник. Непериодическое приложение к журналу «Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал». – Вып. 1. – С. 109–111.

88. Carboniferous floras and stratigraphy of Verkhoyanie (Northeastern Russia) // Newsletter on Carboniferous Stratigraphy. – Vol. 30. – P. 47–49.

2014

89. Инна Андреевна Добрускина (1933–2014) // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. – Т. 9. – С. 79–81 (в соавт. с А.В. Гоманьковым, И.А. Игнатъевым, Ю.В. Мосейчик).

90. Памяти И.А. Добрускиной // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. – Т. 9. – С. 83, 84.